

18+ СТРАХ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

МАКСИМ Н.

Максим Н.

Страх быть счастливым

«Издательские решения»

Н. М.

Страх быть счастливым / М. Н. — «Издательские решения»,

Они 7 лет играли в ненависть...Она сбежала... Он искал...Это история о двух людях, которые боялись любви больше, чем боли. Она дерзкая, в рваных джинсах и чёрных кедах. Он холодный, в идеальном костюме, с сердцем, которое прятал за маской.Они играли, провоцировали, делали больно, но не могли друг без друга.Химия, от которой искрит воздух. Побег, который разрушил всё. Письма, которые он писал в пустоту.И единственный вопрос: «Готов ли ты быть счастливым?», который может стать началом.

© Н. М.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1: ИГРА	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Страх быть счастливым

Максим Н.

Моей любимой жене.

*Спасибо, что научила не бояться счастья. Твоя вера сильнее
любых моих страхов.*

© Максим Н., 2026

ISBN 978-5-0071-1247-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

«Там, где кончаются игры»

Лондон, 2020 год

Они стояли на крыше, и Лео впервые за много лет не знал, что сказать. Внизу шумел Лондон — тысячи огней, сотни машин, десятки жизней, которым не было до них никакого дела. Моросил холодный дождь. Он оседал на её волосах, и Лео смотрел, как капли стекают по рыжим прядям. Он хотел запомнить это. Каждую секунду. Каждое её дыхание.

— Ты знаешь, что я чувствую, — сказал он, и голос его прозвучал чужим. Хриплым. Сломленным.

Элла молчала. Она смотрела на него, и в её глазах было всё: любовь, которую она не умела называть; страх, который она носила в себе с детства; и отчаяние — потому что она знала, что сейчас сделает.

— Знаю, — выдохнула она. — Поэтому я и должна уйти.

Она сказала это так, будто каждое слово резало горло. Лео видел, как её пальцы сжимаются в кулаки. Как костяшки белеют. Он хотел кричать. Хотел схватить её. Хотел сказать: «Останься. Просто останься. Я не буду тебя ломать». Но он уже знал: это бесполезно.

Когда Элла Норвуд решала что-то, она не оглядывалась. Она ломала себя, но не отступала.

— Ты не вернёшься, — сказал Лео. Это был не вопрос. Это был приговор.

Элла посмотрела на него. В последний раз. В её глазах блеснули слёзы, но она не позволила им упасть.

— Может быть, да, — сказала она. — Если ты сможешь простить меня за то, что я не умею быть счастливой.

Она развернулась. Её кеды ступали по мокрой крыше. Тихо. Почти беззвучно. Лео смотрел, как она идёт к лестнице. Как её фигура тает в темноте. Он хотел побежать за ней. Хотел упасть на колени. Хотел кричать её имя так, чтобы весь Лондон услышал.

Но он стоял. Потому что он умел только ненавидеть. И ждать.

А она умела только убегать. И бояться.

ЧАСТЬ 1: ИГРА

Глава 1

«Индюк и ворона»

Сентябрь 2013 года

Лео сидел на последней парте у окна и смотрел в телефон. Скука разъедала его изнутри — такая привычная, что он перестал замечать её. Школа была однообразной. Люди — предсказуемыми. Он знал, кто что скажет, кто на кого посмотрит, кто кого предаст. Это было скучно. Всё было скучно.

А потом он услышал голос.

Звонкий. Колючий. Такой, от которого хотелось обернуться, даже если ты не хотел ни на кого смотреть.

— Это ещё что за напыщенный индюк?

Лео медленно поднял голову. В дверях класса, залитых утренним солнцем, стояла девушка. Её волосы горели — рыжие, как осенние листья, которые он когда-то собирал в детстве. Футболка The Clash была рваной на плече. Джинсы — выцветшими. Чёрные кеды — такими потёртыми, что он ни за что не надел бы их даже на тренировку.

И она смотрела на него. Так, будто он был букашкой, которую она собиралась раздавить каблуком.

Лео почувствовал, как внутри него что-то шевельнулось. Не злость. Не раздражение. Что-то новое, чему он не мог подобрать названия.

— Прости? — переспросил он, и голос его прозвучал холоднее, чем он хотел.

— Ты ослышался, принцесса? — она сделала шаг вперёд, и солнце скользнуло по её лицу, осветив веснушки на переносице. — Я сказала: напыщенный индюк. Стоишь тут в своём дорогом пиджаке, смотришь на всех свысока. Как будто ты король, а мы — твои подданные.

В классе стало тихо. Настолько тихо, что Лео слышал, как тикают часы над доской. Как кто-то сглатывает. Как его собственное сердце бьётся чуть быстрее, чем обычно.

Никто никогда не разговаривал с ним так. Он был Лео Харрингтон. Его отец владел половиной Лондона. Его фамилия открывала любые двери. Одноклассники боялись его. Учителя не перечили ему. А эта девушка в рваной футболке стояла и смотрела на него так, будто он был не королём, а клоуном.

— Ты даже не знаешь, кто я, — сказал Лео, медленно поднимаясь. Он сделал шаг к ней. Потом ещё один. Он хотел, чтобы она испугалась. Чтобы она отвела взгляд. Чтобы она поняла, с кем связалась.

Но она не отвела. Она смотрела прямо на него. Зелёные глаза. Дерзкие. Блестящие. В них не было страха. Только вызов. Чистый, открытый, бесстрашный вызов.

— Мне плевать, кто ты, — сказала она, и голос её был ровным, как струна. — Я знаю, что ты думаешь, будто ты лучше всех. Но ты ошибаешься. Ты просто мальчик в красивом костюме. А внутри — такой же пустой, как все богатенькие детки.

Лео замер. Он ожидал услышать что угодно — но только не это.

Она видела его насквозь. За несколько секунд. Никто никогда не умел этого делать. Даже его собственный отец не видел его так ясно.

Лео почувствовал, как его дыхание сбивается. Как в груди разливается странное, чужое тепло. Он не знал, что это. Он не хотел знать, что это.

— Ты кто? — спросил он, и голос его прозвучал тише, чем он планировал.

— Элла Норвуд. Новая. Перевелась из школы для бедных. — Она усмехнулась, и в этой усмешке было столько дерзости, что он чуть не рассмеялся в ответ. — Надеюсь, ты не собираешься делать из этого проблемы, Харрингтон?

Лео смотрел на неё. На её рыжие волосы, которые пахли чем-то дешёвым и цветочным. На её кеды, которые были такими же потёртыми, как и она сама. На её глаза, которые не боялись его.

И вдруг, впервые за долгие месяцы, он улыбнулся. Настоящей улыбкой. Той, которую он прятал от всех.

— Проблемы? — переспросил он, наклоняясь к её уху так, чтобы никто не слышал. Его голос стал мягче, почти шёпотом. — Дорогая, я только что понял, что школа стала интересной.

Он почувствовал, как она вздрогнула от его дыхания. Как её плечи напряглись. Но она не отступила.

— Добро пожаловать в ад, — сказал Лео. — Ты будешь моим личным демоном.

Элла фыркнула. Она прошла мимо, задев его плечом так сильно, что он почувствовал, как её футболка коснулась его пиджака. Она села на первую парту, демонстративно громко стукнув рюкзаком.

Но Лео видел. Он видел, как она улыбнулась. Краем губ. Едва заметно. Так, что никто бы не заметил, кроме него.

И он понял: эта девушка только что перевернула его мир. Он не знал, как она это сделала. Он не знал, почему.

Но он знал одно: *игра началась.*

Глава 2

«То, что мы запомнили навсегда»

Флешбэк. Лео. 10 лет. Особняк Харрингтонов. Вечер.

Гостиная пахла дорогим деревом и чем-то горьким — возможно, виски, которое отец пил каждый вечер. Маленький Лео сидел и смотрел, как мать накрывает на стол. Её руки дрожали. Она всегда дрожала, когда отец должен был прийти.

Он вошёл не с парадного входа, а через боковую дверь — так всегда, когда был в плохом настроении. Лео слышал звук его шагов: тяжёлые и уверенные.

— Ужин холодный, — сказал отец, даже не взглянув на стол. — Я сказал тебе быть готовой к семи. Сейчас семь двадцать.

— Я ждала тебя, — голос матери был тихим, почти беззвучным. — Я не думала, что ты задержишься.

— Я не задерживаюсь, — сказал отец, снимая пиджак и бросая его на спинку стула. — Ты просто не умеешь быть идеальной. Никогда не умела.

Лео смотрел на мать. Он видел, как её плечи опускаются. Как она сжимает губы, чтобы не заплакать. Она всегда так делала — пыталась быть сильной, но у неё никогда не получалось.

Лео хотел возразить. Хотел сказать, что мама не виновата. Что она ждала его. Что она старалась. Но слова застряли в горле. Он посмотрел на отца. На его холодные, стальные глаза. На его сжатые челюсти.

И он промолчал.

Он встал. Медленно. Подошёл к лестнице. Остановился. Он слышал, как мать тихо плачет за его спиной. Как отец говорит что-то резкое, не разбирая слов.

Лео сжал кулаки. Он хотел обернуться. Хотел подбежать к ней. Хотел сказать: «Я здесь. Я с тобой. Я люблю тебя».

Но он не сделал этого.

Потому что он уже знал: если он покажет, что любит её, отец уничтожит его. Как уничтожал её. Он поднялся по лестнице. Шаг за шагом. Каждый шаг был как прощание с той частью себя, которая умела любить. И когда он закрыл дверь своей комнаты, он дал себе обещание:

«Я никогда никого не полюблю так сильно. Я никогда не покажу, что мне кто-то нужен. Я буду сильным. Я буду холодным. Я буду неуязвимым».

Но той ночью он не спал. Он лежал в темноте и слушал, как мать плачет внизу. И он ненавидел себя за то, что не пошёл к ней. И он ненавидел отца за то, что тот сделал его таким.

Флешбэк. Элла. 9 лет. Квартира Норвудов. Вечер.

Квартира пахла старой мебелью. Маленькая Элла сидела на лестнице, обхватив колени руками. Она слышала всё. Слышала, как голос отца становится громче. Как голос матери становится тоньше, будто она сжималась от каждого его слова.

— Я больше не могу, — кричал отец. — Ты душишь меня! Ты требуешь, чтобы я был с тобой каждую секунду. Ты требуешь, чтобы я говорил тебе, что люблю тебя. Я устал!

— Но я люблю тебя! — кричала мать. — Я просто хочу быть с тобой. Я хочу, чтобы мы были счастливы.

— Счастливы? — отец засмеялся. — Твоя любовь — это клетка. Я задыхаюсь в ней. Я не могу дышать. Я ухожу. Я не могу больше быть счастливым с тобой.

Элла услышала, как хлопнула дверь. Как затихли шаги. Как наступила тишина — слишком громкая, слишком тяжёлая.

А потом — плач. Мать упала на колени в гостиной. Она рыдала так, что Элле казалось, будто стены дрожат. Она спустилась вниз. Босиком. По скрипучим ступенькам. Каждая ступенька была как шаг в пропасть.

Она вошла в гостиную. Мать сидела на полу, обхватив плечи руками. Она была такой маленькой. Такой сломленной.

— Мама, — тихо сказала Элла, подходя и обнимая её. — Всё будет хорошо. Он вернётся.

— Нет, — прошептала мать, уткнувшись в её плечо. — Он не вернётся. Он ушёл, потому что я любила его слишком сильно.

Элла гладила мать по голове, чувствуя, как её слёзы падают на её ночную рубашку.

— Никогда не люби так сильно, Элла, — сказала мать сквозь рыдания. — Никогда не отдавай свою душу мужчине. Любовь — это ловушка. Это боль. Это клетка.

Элла не понимала всего. Она была маленькой. Но она понимала одно: её мать страдает. И она страдает из-за любви. Из-за того, что любила слишком сильно.

Элла сидела на полу, обнимая мать, и чувствовала, как внутри неё что-то сжимается. Как будто она давала себе обещание, которое не сможет нарушить:

«Я никогда не буду так плакать из-за мужчины. Я никогда никого не полюблю так сильно. Я буду холодной. Я буду независимой. Я буду неуязвимой».

Но той ночью она долго не спала. Она лежала в своей комнате, смотрела в потолок и думала: а что, если любовь — это не клетка? Что, если это может быть по-другому? Она не знала ответа. Она знала только боль своей матери. И она боялась её.

Флешбэк. Их первая встреча. 8 лет. День рождения общей подруги.

Маленькому Лео было восемь лет. Он сидел в углу гостиной, читая книгу. Он всегда читал на чужих праздниках. Это был его способ спрятаться от взрослых, которые задавали слишком много вопросов, и от детей, которые были слишком громкими.

И вдруг в комнату ворвалась девочка.

Она была рыжей. Огненно-рыжей, как осенние листья, которые он собирал с братом, пока брат не уехал в пансион. Она была в белом платье, но оно уже было испачкано травой на коленях.

— Это моё место! — закричала она, топая ногой. — Я сижу здесь!

Лео медленно поднял глаза. Она была смешной. Маленькой. Злой. Её глаза горели — зелёные, дерзкие, как у котёнка, который готов царапаться.

— Место занято, — сказал Лео, возвращаясь к книге.

— Ты даже не смотришь на меня! — она выхватила книгу из его рук. — Что ты читаешь? Это скучно!

— Отдай! — Лео вскочил. Книга была его. Его единственным убежищем.

— Не отдам! — она побежала, и её платье развевалось за ней, как флаг.

Лео побежал за ней. Они носились по дому, как дикие звери. Она смеялась — звонко, радостно, заливисто. Он злился. Он хотел схватить её. Он хотел, чтобы она отдала книгу. Он хотел... он хотел, чтобы она смотрела на него.

Он поймал её за косичку.

— Отдай книгу, рыжая ворона!

— Не отдам, напыщенный индюк! — крикнула она в ответ.

Она пнула его по ноге. Он толкнул её. Она упала. Он упал рядом. Они сидели на полу, злые, запыхавшиеся, в грязи и в конфетти. Она смотрела на него так, будто он был её заклятым врагом. Но её глаза блестели. В них был смех, который она пыталась спрятать.

— Вы идеальная пара, — сказал кто-то из взрослых, и они оба повернулись. — Вы будете лучшими друзьями, когда вырастаете.

— Ни за что! — сказали они хором.

Она вскочила и убежала. Лео остался сидеть. Он смотрел, как она бежит и её волосы разлетались на бегу, как солнечные лучи, за которыми хотелось бежать, не оглядываясь.

И он запомнил её. Навсегда.

А она? Она тоже запомнила его. Потому что он был первым мальчиком, который не улыбнулся ей. И она хотела узнать, почему.

Они не знали тогда, что эта встреча определит всю их жизнь. Что они будут искать друг друга в толпе. Что они будут ненавидеть друг друга, чтобы не любить. Что они будут бежать друг от друга, чтобы потом вернуться.

Они были слишком маленькими, чтобы понять: они уже нашли друг друга.

Глава 3

«Первый удар»

Октябрь 2013 года

Лео не мог перестать думать о ней. Это бесило. Он сидел на уроке литературы, смотрел в окно и видел её отражение в стекле. Рыжие волосы. Зелёные глаза. Улыбка, которую она прятала, но которая всё равно пробивалась наружу.

Она сидела через два ряда от него. Она рисовала. Что-то быстрое, резкое, будто она злилась на бумагу. Лео заметил, как её пальцы сжимают карандаш. Как она покусывает губу, сосредоточенная на линии, которая не хотела ложиться правильно. Как её брови хмурятся, когда что-то не получается.

Он смотрел, как карандаш скользит по бумаге, оставляя за собой тёмные, уверенные штрихи. Она рисовала увлечённо, как будто хотела оставить след на каждой странице. Лео видел, как её плечи напряжены, как она наклоняет голову, поправляя непослушную прядь, упавшую на глаза.

И он не мог отвести взгляд.

— Харрингтон! — голос учительницы вырвал его из размышлений. — Ты меня слушаешь?

— Нет, — ответил он, даже не повернув головы.

Класс засмеялся. Кто-то присвистнул. Элла подняла голову, услышав его голос. На мгновение она встретилась с ним взглядом, и Лео почувствовал, как воздух стал плотнее, как будто между ними пробежала искра — быстрая, острая, опасная.

Она закатила глаза. Демонстративно. Она не хотела показывать, что он её задел. Но Лео видел: она задержалась на нём на долю секунды дольше, чем нужно.

Она снова вернулась к своему рисунку. А он отвернулся. Не хотел, чтобы она видела, как он смотрит на неё. Не хотел, чтобы она знала, что она видит его насквозь.

После урока он нашёл её в коридоре. Она стояла у шкафчика, собирая вещи. Коридор гудел голосами, но Лео слышал только её дыхание, только звук её пальцев, перебирающих книги.

Он подошёл и остановился рядом. Слишком близко. Настолько, что он мог видеть, как солнечный свет падает на её волосы и превращает их в медь.

— Ты всегда рисуешь? — спросил он. Голос прозвучал тише, чем он планировал.

— Я всегда рисую, — ответила она, не поворачиваясь. Её пальцы продолжали перебирать книги, но Лео заметил, как на мгновение они замерли. — Это единственный способ не сойти с ума от скуки.

— Тебе скучно в этой школе?

— Мне скучно везде, — сказала она, закрывая шкафчик и поворачиваясь к нему. — Но здесь особенно.

Она смотрела на него в упор. Без страха. Без притворства. Её глаза были зелёными, как море в шторм. Лео смотрел в них и чувствовал, как перехватило дыхание.

— Тогда я сделаю всё, чтобы тебе не было скучно, — сказал он.

Она посмотрела на него. Долго. Пристально. Словно пыталась понять, что он задумал. Словно сканировала его, пытаясь найти слабое место.

— Ты странный, — сказала она наконец, и в её голосе мелькнуло что-то, чего он не ожидал. Не насмешка. Не злость. Интерес.

— Ты тоже, — ответил он.

Она улыбнулась. Краем губ. Едва заметно. Так, что он почти пропустил это. И развернулась, чтобы уйти.

Лео смотрел, как она идёт по коридору. Как её волосы покачиваются в такт шагам. Как её тень скользит по полу.

И он понял: он уже не просто заинтересован. Он уже внутри. В её мире. В её ритме. В её игре.

Он не знал, чем это кончится. Он знал только одно: это только начало.

Глава 4

«Тот, кто видел всё»

Осень 2014 года

Олли сидел за столом, на котором громоздились стопки бумаг, пустые чашки, карандаши. И блокнот. Тот самый, в который он записывал всё, что видел.

Диссертация была готова на шестьдесят процентов. Он называл её *«Механизмы отрицания в межличностных отношениях»*. Но на самом деле это был дневник наблюдений за Лео и Эллой.

Он вёл его два года. Записывал их переглядывания, оскорбления, провокации. Считал, сколько раз они «случайно» касались друг друга. Сколько раз Лео смотрел на неё, когда она не видела. Сколько раз она рисовала его лицо.

Олли перелистывал страницы. Он пришёл к выводу, который сидел в нём уже давно: это не ненависть. Это катастрофическое неумение любить.

Они оба были травмированы. Лео — идеальной семьёй, где любовь была условием, а не чувством. Элла — распавшейся семьёй, где любовь была ловушкой. Они не умели быть счастливыми. И вместо того чтобы признаться, они делали всё, чтобы заставить другого злиться. Потому что злость — это безопасно. Злость понятна. А любовь — страшна.

В дверь постучали. Олли не успел закрыть блокнот — Элла уже вошла. Она была в своей привычной одежде — старой футболке, кедах и потёртых джинсах.

— Олли, ты опять пишешь? — спросила она, останавливаясь у порога.

— Я всегда пишу, — сказал он, закрывая блокнот.

— Ты пишешь о нас с Лео, да?

— Нет, — соврал Олли.

Элла усмехнулась и села на стул рядом с ним. Она молчала несколько секунд, а потом положила свою руку поверх его руки. Олли почувствовал, как её пальцы дрожат. Она не смотрела на него. Она смотрела в стену.

— Мы не можем быть вместе, — сказала она тихо. — Ты понимаешь?

— Почему? — спросил Олли, хотя уже знал ответ.

Элла смотрела в пустоту. В её глазах была усталость — такая глубокая, что Олли стало страшно.

— Потому что я... я не умею, — сказала она. — Если я скажу ему, что чувствую, он поймёт, что я слабая. Что я завишу от него. А если он узнает, что я завишу от него, он уйдёт. Как все уходили.

— Элла, он искал тебя каждый раз, когда ты исчезала на пару часов, — сказал Олли. — Он не уйдёт.

— Он уйдёт, — повторила она. — Все уходят. — Лучше уйти первой. Это менее больно. Она встала и направилась к двери.

— Элла, — сказал Олли, когда она уже взялась за дверную ручку.

Она обернулась.

— Ты не умеешь быть счастливой. Но ты умеешь быть смелой. Ты уже сделала самый смелый шаг — ты пришла сюда и сказала вслух то, что носила в себе. Это больше, чем делают многие.

Она улыбнулась. Краем губ. Едва заметно. Так, что он почти пропустил это.

— Ты слишком хороший психолог, Олли, — сказала она. — Это опасно.

Она ушла. Олли слышал, как её шаги затихают в коридоре. Он смотрел на дверь, которая закрылась за ней. И чувствовал, как внутри него что-то сжимается.

Он открыл блокнот и записал:

«Элла Норвуд, 18 лет. Диагноз: страх близости. Причина: уход отца в 10 лет. Симптом: провокации, побеги, отказ признавать чувства. Прогноз: благоприятный, если объект её привязанности (Лео Харрингтон) не сдастся. Риск: она может уничтожить себя и его, если не получит помощи».

Олли закрыл блокнот. Он смотрел на закрытую дверь и думал о том, что у него есть теория. Но у Эллы была боль. И он не знал, что сильнее.

Он не знал, что через два года его диссертация станет реальностью. А Лео и Элла — его самым сложным клиническим случаем.

Он не знал, какой путь выберут они.

Но он знал одно: он будет записывать. До самого конца.

Глава 5

Весна 2015 года

Джеймс смотрел на них уже второй год. Если кто-то думал, что Лео Харрингтон и Элла Норвуд когда-нибудь помирятся — они были идиотами. Но если кто-то думал, что они не любят друг друга — они были ещё большими идиотами.

Джеймс сидел за дубовой, скрипучей партой в тихой школьной библиотеке. Лео читал книгу. Элла рисовала. Казалось бы, ничего не происходит. Но Джеймс видел, как Лео смотрит на неё поверх страницы. Как Элла рисует его профиль, делая вид, что это просто набросок.

— Они снова это делают, — сказала Миа, подсаживаясь к Джеймсу. — Смотрят друг на друга. Ждут, когда кто-то первый сдастся.

— Это называется «низкая интенсивность конфликта», — сказал Джеймс. — Они не могут быть в одной комнате без того, чтобы не провоцировать друг друга.

— Ага. И при этом они не могут быть в разных комнатах. Ты заметил? Если Элла уходит, Лео находит причину уйти следом. Если Лео опаздывает, Элла смотрит на дверь каждую минуту.

— Это называется «привязанность с отрицанием».

— Ты и твоя психология, — фыркнула Миа. — Это называется «они тупые».

К ним подсел Олли, открывая свой потрёпанный блокнот. Он вёл его уже два года, и страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком.

— Я ставлю двадцать фунтов, что они поцелуются до конца года, — сказал Джеймс.

— Я ставлю двадцать, что они сначала изобьют друг друга, — ответила Миа, не поднимая глаз от телефона.

— Они не изобьют друг друга, — сказал Олли, перелистывая страницы. — Они уже влюблены. Просто не знают об этом.

— Ты слишком много читаешь своих учебников по психологии, — фыркнула Миа.

— Я наблюдаю за ними уже два года, — сказал Олли спокойно. — У меня есть данные. Научные.

— Покажи, — потребовал Джеймс.

Олли перевернул блокнот. Там было написано:

«847 переглядываний. 312 публичных оскорблений. 54 раза они „случайно“ касались друг друга. 0 признаний».

Миа присвистнула.

— Ты серьёзно это считаешь?

— Я серьёзно это записываю, — сказал Олли. — Это моя диссертация.

— Твоя диссертация — это два идиота, которые не могут признаться в любви? — спросил Джеймс.

— Это два человека, которые боятся любви, — поправил Олли. — Это разные вещи.

Они посмотрели в сторону окна. Лео и Элла уже стояли у подоконника. Они спорили о чём-то, но их лица были слишком близко. Слишком. Элла наклонилась к Лео и что-то сказала — быстрое, тихое, колкое. Джеймс не слышал, но видел, как Лео сжал книгу. И как он медленно, очень медленно, повернул голову и посмотрел на неё.

— Что она ему сказала? — спросила Миа.

— Понятия не имею, — сказал Джеймс. — Но он сейчас встанет и уйдёт. — Он кивнул. — Он проиграл.

Лео встал и вышел из библиотеки. Элла осталась. Она улыбалась. Но Джеймс видел в её глазах то же самое, что видел в его: растерянность. Она проиграла. Они оба проиграли. Никто не выиграл.

Олли смотрел на Эллу. Она сидела за столом, улыбалась, но в её улыбке было что-то надломленное. Её пальцы сжимали карандаш.

— У них проблемы, — тихо сказала Миа.

— У них не проблемы, — поправил Джеймс. — У них война. На войне кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. Но они не знают, что война уже закончилась. Они просто забыли объявить перемирие.

Олли закрыл блокнот. Он смотрел на Эллу, и в его глазах было что-то, чего Миа и Джеймс не видели. Знание. Он знал, что это не война. Это был страх. И он знал, что страхом не победить. Можно только научиться жить с ним. Или умереть от него.

Глава 6

«Голос правды»

Весна 2015 года

Школьный коридор гудел голосами, звонками, шагами. Лео и Элла шли по коридору, он из библиотеки, она из кабинета рисования. Они не видели друг друга. Они не искали друг друга. Но они остановились одновременно.

За дверью, из которой доносились голоса. Лео узнал их сразу — Миа и Джеймс. Он замер за углом. Он не знал, что Элла тоже остановилась — в паре метров от него.

— Они любят друг друга, — сказала Миа. — Это очевидно. Но они слишком тупы, чтобы признаться.

Лео сжал зубы. Он хотел уйти. Но его ноги не слушались.

— Лео боится, что она использует его чувства против него, — сказал Джеймс. — Он боится, что если он покажет слабость, она уничтожит его. Как его отец уничтожал его мать.

Лео почувствовал, как внутри него что-то сжалось. Он не хотел слышать это.

— А Элла боится, что если она признается, он уйдёт, — продолжил Джеймс. — Как её отец ушёл от её матери.

— Они парализованы страхом, — сказала Миа. — Они идеальная пара. Но они слишком сломаны, чтобы это увидеть.

— Ты думаешь, они когда-нибудь признаются? — спросила Миа.

— Я думаю, они признаются, когда поймут, что страх — это не приговор, — сказал Джеймс. — Что можно бояться, но оставаться.

Лео стоял за дверью. Он слышал каждое слово. Он чувствовал, как его лицо горит. Как кровь стучит в висках. Он медленно повернул голову.

И увидел её.

Элла стояла в нескольких метрах. Она смотрела на него. Без улыбки. Без обычной дерзости. Она выглядела так, будто её ударили. Она всё слышала.

Они смотрели друг на друга. Коридор гудел вокруг них, но они не замечали никого. Только друг друга. И правду, которая висела между ними, как стекло, готовое разбиться.

Лео хотел сказать что-то. Что угодно. Что-то, что разрушило бы эту тишину. Что-то, что сделало бы её снова злой. Но он не мог. Потому что слова застревали в горле. Потому что он знал: друзья правы.

— Я не знаю, о чём они говорили, — сказал он наконец. — Это ерунда.

Элла смотрела на него. Долго. Слишком долго. Её зеленые глаза сканировали его лицо, и он знал, что она видит больше, чем он хочет показывать.

— Да, — ответила она. — Ерунда.

Она развернулась и ушла. Не пошла. Не побежала. Просто ушла. Как будто это ничего не значило. Но Лео видел, как её плечи напряглись. Как она сжала кулаки, когда прошла мимо него.

Лео смотрел ей вслед. Смотрел, как её рыжие волосы качаются в такт шагам. Как её тень скользит по полу. И знал: это не ерунда. Она знает правду. Они оба знают правду.

И это пугало его больше, чем любая игра. Потому что если правда сказана вслух — её уже нельзя спрятать.

Глава 7

«Что мы оставили несказанным»

Зима 2016 года

Лео и Элла сидели на крыше школьного здания. Они не знали, как оказались здесь вместе. Наверное, она сказала что-то обидное, он ответил тем же, и они просто... пошли. Нашли место, где никто не мог их видеть. Где не было школы, правил, зрителей. Только они. И снег.

— Тебе холодно? — спросил Лео.

— Ты хочешь предложить мне свой пиджак, Харрингтон? Не надо. Я не буду выглядеть как твоя девочка.

— Точно не будешь, — усмехнулся он. — Ты выглядишь как замёрзший воробей.

Элла фыркнула, но не ответила. Она подняла глаза к небу, и снег падал на её ресницы, таял на них и стекал по щекам, как слёзы, которых она никогда не показывала. В её взгляде было что-то новое, чего Лео не видел раньше. Что-то тихое.

— Ты когда-нибудь думал, что мы могли бы быть другими? — спросила она вдруг.

Лео замер. Она никогда не задавала таких вопросов. Она задавала только провокационные, колкие, чтобы задеть. Этот был... другим. Он звучал как признание.

— Какими другими?

— Ну, не врагами, — она пожала плечами. — Нормальными людьми. Которые... не бешутся при виде друг друга.

— А ты хочешь быть нормальной?

— Я не знаю, — она отвела взгляд на огни города. — Я не знаю, как быть нормальной. Я всю жизнь была либо злой, либо грустной. Или весёлой, но притворно. У меня не было... спокойствия.

Она сказала это так просто, как будто говорила о чём-то неважном. Но Лео слышал её голос. Тонкий, хрупкий, без привычной дерзости. Она была как стекло, которое он мог разбить одним словом. И он не знал, что сказать.

Он хотел сказать ей, что у него тоже нет спокойствия. Что он тоже притворяется. Что он тоже боится. Но он не мог. Потому что это означало бы признаться, что он чувствует то же самое. А если он признается — она победит. Или он проиграет. Он не знал.

— Нормально — это скучно, — сказал он наконец, и голос прозвучал легче, чем он себя чувствовал. — Нам было бы скучно друг с другом.

Элла повернулась к нему. Резко. Так, что снег посыпался с её волос. Её глаза блестели, в них читался вызов — почти как раньше.

— Скучно? Ты думаешь, нам было бы скучно?

— Да, — сказал Лео, не отводя взгляда. — Мы привыкли к этому... пожару. Если бы мы перестали играть, что бы осталось?

— Я не знаю, — сказала она, и вызов исчез так же быстро, как появился. — Может быть, ничего.

— А может быть, всё.

Она не ответила. Они замолчали. Снег падал на них — на его плечи, на её волосы, на их руки, лежащие между ними на холодном бетоне. Лео чувствовал её дыхание рядом. Она пахла чем-то цветочным — тем же, чем пахла в их первую встречу. И он понял, что запомнит этот запах навсегда.

Снежинка упала ей на щеку. Лео смотрел, как она тает, как стекает по её коже. Он хотел протянуть руку. Убрать её. Дотронуться. Просто один раз. Но он не сделал этого. Потому что это означало бы, что он сдаётся. А он не умел.

— Нам пора, — сказала Элла, вставая. Её голос звучал ровно, но Лео видел, как её руки дрожат, когда она поправляет куртку. — А то начнут искать.

Она не посмотрела на него. Просто пошла к лестнице. Он снова смотрел, как она уходит. Как её рыжие волосы исчезают в темноте. Как снег падает на то место, где она сидела.

Он остался один. Он смотрел на огни города и чувствовал, как внутри него разрастается что-то, чему он не мог дать названия. Он боялся этого. Этой нежности. Этого счастья, которое могло бы быть, если бы он только перестал быть трусом.

Но он не умел.

Глава 8

«Когда я почти решилась»

Ночь. Комната Эллы. Зима 2016 года

Элла не спала.

Она лежала на спине, смотрела в потолок и прокручивала их разговор на крыше снова и снова. Каждое слово. Каждую паузу. То, как он смотрел на неё, когда она спросила про «других». То, как он сказал: «А может быть, всё».

Она была такой глупой. Она почти сказала ему правду. Почти призналась, что чувствует. Слова уже были на языке, готовые сорваться. Но она вовремя остановилась. Потому что если бы она сказала это, он бы понял. Он бы победил.

А она не могла этого позволить.

Элла повернулась на бок. За окном падал снег — белый, тихий, равнодушный. Он падал на крыши, на деревья, на пустые улицы. Ей казалось, что он падает и на её сердце. Холодный. Тяжёлый.

Она думала о его глазах. Там было что-то, чего она никогда не видела. Боль. И надежда. Одновременно. Он смотрел на неё так, будто она могла спасти его. Или уничтожить.

— Я не могу, — прошептала Элла в темноту. — Я не могу сделать это. Я слишком боюсь.

Она села, обняв колени. В комнате было холодно. Она чувствовала, как дрожит, и не знала, от холода или от страха.

Она думала о своей маме. О том, как она рассказывала про отца. Про дождь, в котором они танцевали. Про стихи, которые он писал. Про клятвы в вечной любви. Она была такой счастливой. А потом он ушёл. Просто собрал вещи и ушёл. Сказал, что больше не может быть счастлив с ней. Что она его «задушила» своей любовью.

Элла была маленькой. Но она запомнила. Запомнила, как мать плакала на кухне. Как её плечи тряслись. Как она говорила: «Никогда не люби так сильно». Запомнила, что любовь — это удушье. Что нельзя любить слишком сильно, потому что тогда тебя бросят. Что лучше быть холодной, чем стать той, кого оставляют.

Так она и делала. Была холодной. Злой. Неуязвимой. Каждый день. Каждый раз, когда кто-то подходил слишком близко, она делала шаг назад.

А потом появился Лео.

Он не отступил. Он оставался. Он провоцировал её, злил, бесил — но не уходил. И Элла начала чувствовать то, что так долго прятала.

Он был её идеальным врагом. Потому что он был как она. Он тоже боялся любви. Боялся признаться, что чувствует. Они были идеальной парой в ненависти.

Но той ночью Элла поняла: если она не перестанет бояться, она потеряет его. Потеряет и никогда не узнает, что могло бы быть, если бы она просто сказала: «Я тебя люблю».

Она зажмурилась. В груди что-то сжалось — так сильно, что стало трудно дышать. Она хотела убежать. Спрятаться. Сделать вид, что ничего не чувствует.

Но она знала: она больше не может.

Элла подошла к окну. Снег всё падал. Она смотрела на ночной город и чувствовала, как внутри неё зреет решение. Медленное. Болезненное. Но настоящее.

Она скажет ему. Скоро. Может быть, завтра. Она скажет ему всё.

Она не знала, что он скажет в ответ. Она не знала, не разобьёт ли он её сердце. Но она знала одно: если она не попробует, она будет жалеть об этом всю жизнь.

Элла легла обратно. Закрыла глаза. Впервые за долгое время она не чувствовала страха. Только усталость. И надежду.

Глава 9

«В ту ночь, когда мы перестали врать»

Февраль 2017 года

Лео решил, что скажет ей.

Он позвал её в загородный дом, когда родители уехали. Сказал, что это просто посиделка. Что хочет отдохнуть от города. Но он знал правду. Он хотел признаться. Сказать ей, что любит её. Что любит с первой секунды. Что ненавидит все их игры, потому что они маскируют правду.

Лео ждал её у двери. Дождь лил стеной, и когда машина остановилась, он увидел, как Элла выбежала из машины — в старой куртке, с мокрыми волосами, рассыпавшимися по плечам. Она остановилась на пороге, убрала мокрые волосы с лица, и подняла на него глаза. В них была привычная настороженность, но Лео увидел что-то ещё. Сомнение. И ожидание.

— Ты выглядишь как мокрая курица, — сказал Лео вместо того, что хотел сказать.

— А ты выглядишь как напыщенный придурок, — ответила она, проходя мимо него в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.